Бастер Китон

ВЕЛИКИЕ ОТВЕРЖЕННЫЕ

Игорь МАСЛЕННИКОВ

Серия очерков о «сильных мира сего», о знаменитых фигурах богемы вызвали живой интерес у нашего читателя. Предлагаем очередную публикацию на эту тему.

КОМИК, которому запретили улыбаться

Начнем с Китона, с великой легенды немого кино. Родители его – сущие сумасброды, не дали Джозефу Китону (Бастер Китон – его артистический псевдоним) ни лучезарного детства – какое там! – ни сносного образования. Регулярно он получал одно – несколько ударов палкой от грозного отца, чем, кстати, Джозеф поздно не гордился, полагая, что именно таков воспитание выбивало дурь из его юной головы.

Папенька его – Джо Китон, актер провинциального уровня, рослый, темноволосый красавец как – то пристал к бродячей труппе со своим дешевого пошиба репертуаром. Ничем не проявив себя на сцене, он сумел соблазнить 18-летнюю Миру, маленькую и неказистую дочь директора труппы. Когда же Джо с позором был изгнан, то Мира последовала за ним, что в конце концов обернулось браком и появлением на свет недоношенного Джозефа Китона.

Он, конечно, пошел в Миру, такой же миниатюрный, с неправильными чертами лица, к тому же и забитый бродячей, нищей жизнью. При этом этот вертлявый, некрасивый мальчишка проявлял удивительное любопытство ко всему и вся. А поскольку он рос безо всякого присмотра, то в конце концов это привело к трагедии. трехлетний Джозеф сунул руку в барабан стиральной машины и лишился половины пальца.

В шесть лет Китон–младший стал выходить с родителями на подмостки. Его обрядили в костюм джентльмена: еще он надевал котелок и брал в руки трость. И тут произошло невообразимое: в какие–то дни маленький Китон стал любимцем публики, и она валом пошла на его выступления. Джозеф обладал редкой пластичностью; это был поистине гуттаперчевый мальчик, способный выполнить любой акробатический трюк. В сущности, он не получил никакой специальной подготовки, это был дар природы, развитый им в бесконечной беготне по улицам, в лазанье по деревьям и крышам.

Не учили его и актерскому искусству. Но Джозеф Китон принимал такие умопомрачительные гримасы и позы, что зал заходился в хохоте. Тогда же Китон–старший преподнес сыну урок, определивший будущий имидж Джозефа на сцене, а потом и в кино. Несостоявшийся актер заметил, что когда его отпрыск проделывает свои трюки с мрачным лицом, то зрители хохочут гораздо громче. Он дал Джозефу затрещину и рявкнул: «Никогда больше не улыбайся на сцене!»

Этот необычайно ловкий, маленький, серьезный человечек стал символом немого кино, в начале двадцатых годов ленты с участием Бастера Китона собирали у касс толпы зрителей, мало того, в его манере угадывается будущий Чарли Чаплин. И если последний в свои трюки вкладывал и психологический смысл, то искусство Китона, в сущности, не было глубоким, оно для глаза. Боже, но какие номера он откалывал: в погонях на машинах и велосипедах. на своих двоих, устать можно от этого каскада! Все это, разумеется, он выполнял сам, в раннем кино и понятия не имели о дублерах.

В конце XX века только самые ленивые издания не проводили опросы на тему «самый–самый». Некий статистик из США обобщил и систематизировал все эти данные. Так вот, по разделу «Самые популярные артисты кино» первую строчку занял Бастер Китон: впереди Чарли Чаплина, Жана Габена, Марлен Дитрих, других великих.

Его «звезда» стала меркнуть с появлением звукового кино. В своей последней немой ленте Бастер Китон появился в 1929 году, а спустя год–другой киностудии США окончательно перешли на озвучивание. Все произошло быстро, и новые времена стали для Китона трагедией. Он начал пить, баловаться наркотиками, весьма запутанными оказались и его семейные отношения. он был в шаге от самоубийства, когда режиссер Сидни Шелтон предложил Бастеру Китону преодолеть «звуковой барьер» и сняться в фильме о нем самом.

Съемки шли трудно, с постоянными скандалами и по большому счету фильм о Бастере Китоне не стал событием, его время уходило безвозвратно. На какое–то время интерес к нему вспыхнул в Старом Свете и Китон не без успеха снялся в трех лентах. Но во французской комедии «Король Елисейских полей» режиссер заставил Китона изменить своему легендарному образу – великий комик впервые заулыбался. Увы, такого Бастера Китона публика не приняла. Люди в кинозалах шикали и свистели, многие уходили. Узнав об этом, Китон вело обронил: «Что теперь поделаешь. Я же предупреждал этого идиота–режиссера, что нельзя смешивать соль с сиропом. Но ведь они такие умники».

Ему нельзя было улыбаться, как актеру. Но ему все меньше хотелось это делать и в жизни. Он стал невыносимым даже для самых близких. Великие комики в обычной жизни нередко становятся безнадежными меланхоликами. Но «серая мышка» Элеонор – последняя из четырех жен Китона, бесконечно преданная ему, позднее рассказывала, что ночью, за день до кончины из кабинета «того, кто никогда не улыбался» то и дело доносился громкий, раздостный хохот.

БОЯЗЛИВЫЙ «ОТЕЦ ГЕРОЕВ»

Одна из самых сложных, противоречивых фигур мировой литературы – Редьярд Киплинг. Создатель образов лихих, умелых в воинском искусстве мужчин, которые открывают любые двери ногой и прокладывают дорогу кулаками и винтовками, сам был человеком крайне робким. Его богатые родители, занятые своими проблемами, не видели, что из Родди – боязливый и нервный ребенок.

Его первые впечатления связаны с Индией, где его отец – Локвуд Киплинг, получил в Бомбее престижное и хорошо оплачиваемое место директора художественной школы. Сад, в котором гулял малыш Редьярд под охраной трех собак, был вполне безопасным местом. Но если Родди видел какую–либо крупную птицу или бенгальского петуха, он с ревом бежал в дом и стоило немало хлопот успокоить этого странного мальчика.

В 1871 году родители отвезли Родди в Англию, в городок Саутси, отдав на попечение совершенно чужим людям – бывшему морскому капитану Хэллоуэю и его супруге, что, кстати, вполне в традициях английского воспитания. в этой стране родители рано избавляют детей от своей опеки. Со старым морским волком Редьярд нашел общий язык, его восхищали рассказы Хэллоуэя об абордажах и потасовках в приморских кабаках, боевые шрамы капитана, его песенки и ругательства. Можно даже сделать вывод, что именно тогда в голове юного Киплинга начали складываться образы отважных и сильных мужчин, перелившиеся позднее в его великолепную прозу. Но сам он оставался все таким же испуганным, слабым физически очкариком, тем более, что после смерти капитана Хэллоуэя он лишился не только собеседника, но и покровителя.

Теперь он попал в полное подчинение его жены, а это была сущая фурия. К тому же она сразу невзлюбила этого странного мальчика, особенно его фантазии, которые пожирая дама понимала как вранье. Она не ограничивалась наказанием розгами, она вешала на шею Родди таблицу с надписью «Я – лжец» и выталкивала его на улицу, где будущего создателя «Маугли» ждали насмешки, побои от сверстников.

И тогда, и позднее Редьярд понимал, что он вовсе «не отчаянный», но по закону разных полюсов его тянуло именно к таким людям. Реализовать неудовлетворенность собой он пытался через литературу и занятия спортом. Он много читал, а затем и сам стал браться за перо, воспевая солдатскую храбрость и честность, нередко и с расистскими нотками.

Редьярд Киплинг

В школе Родди играл в регби и немного в теннис. он был готов до сумерек оставаться на площадке, чтобы закалить свое тщедушное тело и походить на рослых, умелых одноклассников. но, увы, очень уж у него не получалось. Родди вошел во вторую регбийную команду школы, и это стало его высшим достижением.

Он, конечно, был из другого теста. Его впечатлительная натура не выдерживала и слабого толчка извне, он был писателем сугубо кабинетным, в современники, поддавшись обаянию его сочинений, воображали Киплинга мужичиной, который не дурак выпить и подраться, пуститься в любую авантюру. А он одинаковы в панике убежал от некоего соседа, который остановил его на дороге, чтобы выяснить какие–то отношения: Киплинг не выдержал его грубого голоса и хнута, которым он грозил литератору

Он и женился так, что не он повел Каролин к венцу, а она его. Киплинг вяло ухаживал за ней, не имея, возможно, и мысли о браке, пока энергичная, с мужской хваткой Каролин не объявила о своем решении стать спутницей жизни великого писателя. Другое дело, что именно такая женщина–супруга и нужна была этому беспомощному в быту человеку, она взяла на себя все его большие и маленькие проблемы, и Редьярда это вполне устраивало.

В 1907 году талант Редьярда Киплинга получает самое высокое признание, он становится лауреатом Нобелевской премии. Автор «Книги джунглей» наперебой приглашают высший круги Старого Света, на коронацию Эдварда VII знаменитый английский писатель получает место среди самых почетных гостей. В раздувном состоянии духа, окрыленный всеобщим признанием, он отправляется в Кейптаун, чтобы поправить свое здоровье – об этом позаботилась Каролин. Вместо отдыха и литературных трудов он впутывается в дело, опять же совершенно бессмысленное для него и ненужное.

На окраине Кейптауна располагался небольшой гарнизон и Киплинг вызвался заняться физической выучкой солдат. На верхние литературной славы он сновa видит себя отчаянным рубакой, суровым и справедливым отцом–командиром. Он гонит по жаре молодых солдат–англичан, показывает им приемы бокса, учит плавать. Эта давнишняя слабость Киплинга к физическим упражнениям, его фантазия не кажутся, а быть грубоватым, умелым спортсменом оборачивается мучением для солдат, хохотом и злыми шутками за его спиной, поскольку все бесобразилось, что этот неловкий, тщедушный писака в очках ничего не смыслит ни в ратном деле, ни в спорте.

Его пребывание в Кейптауне обрывается жутким случаем. Как–то вечером Редьярд, выйдя с сигарой на террасу своего дома, едва не столкнулся с неизвестным ему человеком, который навал на него пистолет. Ужас Киплинга был так велик, что он не сделал и попытки броситься на неизвестного или хотя бы скрыться. Он услышал звук осечки и тут же упал в обморок. Нападавшего задержали, это был психически больной человек, который защищался на том, что должен свести счеты с певцом английского колониализма. На следующий день весь Кейптаун узнает, как «железный Редьярд» проявил в минуту опасности полное малодушие, теперь над ним смеются уже в открытую, это в очередной раз разрушает все иллюзии Киплинга по поводу своей бравады: это потрясение было таким сильным, что уже через несколько дней он возвращается в Англию.

Мировая война возбудила в нем боевые чувства и патриотизм. Он пишет в газеты воинственные статьи, выступает перед новобранцами, призывает Англию пробудиться и встретить опасность с оружием. Большинство внимает ему с почтением, кто–то, знав истинного Киплинга, потешается, пока не происходит случай с роковыми последствиями. На одном из сборных пунктов некая женщина, выслушав Киплинга, крикнула ему: «Мой сын уже в форме и с винтовкой, а где твои дети, старый говорун?» Растерявшийся оратор не нашел ничего лучшего, чем пролюдно заявить, что его единственный сын в ближайшее время тоже отправится на фронт.

Сыну Редьярда всего 17 лет, он унаследовал от отца телесную слабость, плохое зрение и робость характера. Но Редьярд уже закусил удила, один из Киплингов непременно станет солдатом. Он приводит Джона Киплинга на медицинскую комиссию и того сразу же бракуют. Редьярд включает свои связи, военные врачи позволяют поднять планку, но согласие дают, и Киплинга младшего зачисляют в действующую армию.

Спустя месяц Редьярд и его супруга получают извещение, что их сын, получив пулевое ранение в голову, погиб в первом же бою. Каролин раздавлена случившимся, она не может видеть своего старого, вздорного мужа, она ненавидит Киплинга. Конечно, она знала, что Редьярд в практической жизни – сущий ребенок, эгоистичный, беспомощный. Но она с споданиям поняла других – инфантилизм этого великого человека может быть опасным не только для него, но и для окружающих.

ПОСЕЕШЬ ХАРАКТЕР – ПОЖНЕШЬ СУДЬБУ

Было бы наивно утверждать, что физические упражнения очень уж многое значили для знаменитых фигур искусства. В большинстве своем они достигали уровня слабых любителей, хотя подчас увлекались тем или иным видом спорта самозабвенно. Поэтому куда любопытнее поразмышлять о самой природе этого их интереса.

В ряду великих импрессионистов немало судеб трагических, едва ли не все они, сжигаемые неприятием их талантов и нищетой, вели совершенно невообразимый образ жизни и рано уходили из нее. Анри Тулуз–Лотрек был едва ли не самым несчастным в этом ряду. А ведь он – сын графа Альфонса Тулуз–Лотрека, владельца нескольких замков и огромных поместий на юге Франции.

Сумасбродство, тяга к фрондe были в крови многих предков будущего художника. Скажем, Раймон Лотрек, в будущем правитель Тулузы – откуда и вторая часть фамилии, открыто якшался с еретиками, в когда папа римский прислал к нему с увещеваниями своего легата, то вместо переговоров несчастный гость был вздернут на ближайшем дереве. Еще все Тулуз–Лотреки были отчаянными охотниками, дед Анри погиб, преследуя раненого вепря, и все мужчины этого рода говорили, что такой славной смерти они желают и себе.

Эта страсть не обошла и отца Анри. Граф Альфонс Тулуз–Лотрек торопил время, чтобы выехать в поле с сыном и под лай собачьей своры погнаться за оленем или любой крупным зверем. Все к этому и шло: Анри становился красивым, с живым характером подростком. Но, видимо, Всевышнему надоели буйства этого рода, во всяком случае мать Анри была убеждена, что случившееся с ним – Божье кара: в первом же выезде на охоту лошадь сбросила ее сына, в затем сваяло легкуля Анри, после чего он не только перестал расти, но и стал уродцем.

Свое несчастье Анри принял не только стоически, в его поступках ощущается то, чего не было раньше – вызов себе, окружающим, самым обстоятельствам. В этом недавно благополучном, даже изнеженном юноше неожиданно возникают странные для близких ему людей изменения. Он становится художником, что, по понятиям тогдашнего высшего света, было сравнимо с чем–то малопочтенным и несерьезным. Он же идет дальше, переселяется на Монмартр, район, мягко говоря, сомнительный для большинства парижан, средоточие всех мыслимых и немыслимых пороков. Его принимают здесь; старожилам Монмартра (а это не только художники, но и апаши, девицы легкого поведения, бродяги) нравится этот маленький уродец, остроумный и циничный.

Тогда же Анри удивляет окружающих и стремлением к телесным упражнениям, что на самом–то деле связано с комплексом неполноценности. Став калекой, он сохранил редкую силу рук, что передалось ему от отца: бравый Альфонс Тулуз–Лотрек гнул пальцами любые монеты. Его несчастный сын развивает этот дар постоянными упражнениями с «бульдогами», другими отягощениями, и нет для него большего удовольствия, чем прижатая к столу рука какого–либо рослого мужчины.

Он рисует цирковой, танцовщиц из «Мулен Руж», всадников и, наконец, знаменитую «Велосипедную цель» – первый в мире спортивный плакат. При этом он убивал себя всеми известными средствами: алкоголем и наркотиками, венерическими болезнями и хронической бессонницей. Он, как и многие, не придавал большого значения своим картинам, он раздавал их, иногда и терял, и только после смерти Анри Тулуз–Лотрека то, что сохранилось, получило истинную цену, то есть баснословную

Еще более унизительной была судьба творений Поля Гогена, которыми ныне гордятся лучшие музеи мира, а когда–то они шли на половики и подстилки для кошек, в лучшем случае – в качестве расплаты за бутылку виски. В сущности, в Гогене ничего не было от расхожего понятия о натуре художника, в годи ж, раскрылось совершенно непостижимым образом. А так что, сонный по обыкновению, медлительный, он был подвержен, если выводили из себя, взрывам ярости, и это было крайне опасно для обидчика, поскольку Гоген имел страшную физическую силу и бычье здоровье. Однажды приятели Поля Гогена с трудом вырвали из его лап полузадушенного человека, который чем–то обидел художника

В молодости он служил матросом на торговом паруснике, потом на военном корвете, поплавал на нем в северных водах, когда шла война с Пруссией. В конце концов Поль Гоген

Поль Гоген

Анри Тулуз–Лотрек слева

Фото из архивов «Огонька» и Музея

за драку с офицером был списан на берег. Тогда он и появился в Париже, вошел в среду художников и запомнился тем, что ходил в деревянных башмаках и мог не питаться два–три дня. С целью заработать какие–то гроши Гоген натягивал боевые перчатки и выходил на ринг. Не имея и смутного представления о классическом боксе, он тем не менее нередко выходил победителем, благодаря своей природной физической силе и навыкам уличного бойца.

В нем, конечно, тлел дух бунтаря, пожалуй, и изгоя, поскольку даже друзья–художники не воспринимали его «мазню» всерьез, а несколько рисунков в печати были уничижительными. Это и подвигло 47–летнего Гогена плюнуть на все, сесть на пароход и отплыть на Таити, где болезни и пьянство добили–таки его жизненный организм и где он, художник, получил бессмертие, но опять же не при жизни.